

ренито, романы *Жизнь и смерть Николая Курбова*, *Любовь Жанны Ней* и отдельные рассказы из *Тринадцати трубок*. Тогда же увидели свет в венгерских изданиях *Любовь Жанны Ней*, *В Проточном переулке*, *Тринадцать трубок* и ряд очерков. В тридцатые годы вышли на болгарском языке *Тринадцать трубок*, *Любовь Жанны Ней*, *День второй*. В этот же период появляются и первые румынские переводы эренбургских произведений. О популярности Эренбурга в странах Восточной Европы говорят и такие статистические данные: в Болгарии, например, за десятилетие с 1924 по 1934 гг. было переведено тринадцать заглавий горьковских произведений, за тринадцать лет (1927—1940) было опубликовано девять книг А. Толстого, а всего за три года (1933—1936) — шесть переводов из Эренбурга.

В годы второй мировой войны его публицистика гремела по всему миру. Читателям она была доступна на русском, английском, немецком, испанском, французском языках. Романы *Падение Парижа*, *Буря*, *Девятый вал* переводились и читались повсюду. Наконец, эренбургский шедевр *Люди, годы, жизнь* стал всеобщим достоянием на всех меридианах земного шара почти одновременно с появлением отдельных его книг на страницах журнала «Новый мир».

С уверенностью можно сказать, судя хотя бы по его изданиям на разных языках, что Эренбург был и остается одним из известнейших и популярнейших во всем мире современных советских писателей.

Эренбург вместе с тем неизменно находился в поле зрения публицистики и литературной критики Запада. В зарубежной печати, начиная с предисловия Пьера Мак Орлана к первому французскому изданию романа *Хулио Хуренито* (он рекомендовал книгу как оригинальный, остроумный, пропитанный французским духом пикареск) и кончая «коварным» некрологом Алдена Уитмана на страницах «Нью-Йорк Таймс», при всем внешне широком диапазоне, четко размежевались защитники и противники советского писателя. Речь идет именно о советском писателе, об *ambassadeur de la culture soviétique*, если воспользоваться определением Пьера Кота или Витторио Страды¹, ибо именно этот аспект предопределил отношение к Эренбургу прессы и литературоведов, а личность, индивидуальность писателя отодвигались на второй план. Здесь следует искать объяснение преобладающего интереса западной критики к моментам «что» и «почему» и в меньшей степени к тому «как». В этом секрет многих парадоксальных ситуаций, создававшихся вокруг имени Эренбурга. Словацкий литератор-коммунист Золтан Фабри в 1929 году одобрительно отзываясь об авторе *Хулио* — «крупнейшем советском писателе»², а сотрудник «Роте Фане», по свидетельству самого Эренбурга, в 1931 году заявил ему: «Ваш *Хуренито* — безобразная книга, не понимаю, как могли ее издать в Москве. Когда мы придем к власти, у нас такого не будет»³. В „Le Libertaire“ от 9 июня 1948 года читаем: «У восточных деспотов есть свои визири, свои янычары и дворцовые евнухи (среди последних можно назвать

¹ Витторио Страда, *Цит. книга*.

² Более подробно см. ниже.

³ И. Эренбург, *Собрание сочинений в девяти томах*, т. 8, стр. 405.